

Гусева Светлана Владимировна

"МАГИЯ СЛОВА" ИЛЬИ СУРГУЧЁВА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОНОГРАФИИ А. Т. ЛИПАТОВА "ВЗБУДОРАЖЕННАЯ МАГИЯ СЛОВА И ЧУВСТВА: ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ИЛЬИ СУРГУЧЁВА" (СТАВРОПОЛЬ: ГРАФА, 2011)

В статье представлен обзор новой монографии доктора филологических наук, профессора, автора более 400 научных работ Александра Тихоновича Липатова "Взбудораженная магия слова и чувства: текстообразующие и изобразительно-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучёва". Эта новая монография посвящена развернутому анализу текстообразующих и изобразительно-выразительных средств прозы И. Сургучева, до настоящего момента остававшейся вне поля зрения исследователей. Анализируемое исследование профессора А. Т. Липатова - это первая и на сегодняшний день единственная работа такого плана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (13). С. 57-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Существовала также группа аномальных глаголов (совр. ан. *will, do, go* и *be*). Эти четыре глагола имели собственное спряжение, которое сильно отличалось от всех остальных классов глаголов. На сегодняшний день эта группа глаголов является наиболее часто используемой в языке, например:

bēom, eart, bist, is, sind; was, waes (OE);
dōn, dyde (OE);
gā (go, OE);
gan eode;
willan - wolde.

Глагол *beon* относился к супплетивной форме и включал в себя несколько форм: *beon* имел значение будущего или абстрактного действия, *wesan* - имеет более конкретное значение и никогда не используется в настоящем времени. Современная форма глагола «to be» настоящую простую форму обрела благодаря *sindon*, прошедшую простую форму от *wesan*, сослагательное наклонение настоящего времени от *bēon*, прошедшую форму от *wesan*, повелительное наклонение и неличные формы образовались от *bēon*.

Таким образом, в ДА период глаголу были свойственны следующие морфологические категории: лицо (различается только в изъявительном наклонении: первое, второе, третье); число (единственное, множественное); время (настоящее, прошедшее, значение будущего времени передается при помощи наречий с семантикой будущего времени и сослагательным наклонением с глаголами *sculan* и *willan*), наклонение (все формы синтетические): изъявительное, повелительное, сослагательное для выражения желательного, нереального, предполагаемого действия, в придаточных предложениях времени, результата, а также для выражения косвенной речи, вид (перфект): совершенный или несовершенный; залог: индикатив, императив, опатив.

Список литературы

1. Адмони В. Г., Ярцева В. Н. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия // Историко-типологическая морфология германских языков. М.: Наука, 1978. 175 с.
2. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Просвещение, 1985. 256 с.

VERB MORPHOLOGICAL SYSTEM IN OLD ENGLISH

Yuliya Ivanovna Gurova, Ph. D. in Philology
Department of the English Language
St. Petersburg Classical University of Trade Unions
gurovayulia@yandex.ru

The basic content of the article is the research of verb morphological system of the Old English period. The author considers Old English verb use cases in a sentence syntactic structure during the Old English period in order to single out separate morphological and lexical means of this aspect in the Old English language and to analyze its use cases.

Key words and phrases: Old English; word-changing paradigm; grammatical category; ablaut; aspect-tense forms.

УДК 801.731

В статье представлен обзор новой монографии доктора филологических наук, профессора, автора более 400 научных работ Александра Тихоновича Липатова «Взбудораженная магия слова и чувства: текстообразующие и изобразительно-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучёва». Эта новая монография посвящена развернутому анализу текстообразующих и изобразительно-выразительных средств прозы И. Сургучева, до настоящего момента остававшейся вне поля зрения исследователей. Анализируемое исследование профессора А. Т. Липатова - это первая и на сегодняшний день единственная работа такого плана.

Ключевые слова и фразы: идиостиль Ильи Сургучева; текстообразующий фактор; изобразительно-выразительные средства; перифраз; интертекстема.

Светлана Владимировна Гусева, к. филол. н.
Кафедра социальных наук и технологий
Марийский государственный технический университет
gusevas@list.ru

**«МАГИЯ СЛОВА» ИЛЬИ СУРГУЧЁВА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОНОГРАФИИ
А. Т. ЛИПАТОВА «ВЗБУДОРАЖЕННАЯ МАГИЯ СЛОВА И ЧУВСТВА: ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ
И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
ИЛЬИ СУРГУЧЁВА» (СТАВРОПОЛЬ: ГРАФА, 2011)©**

История русской литературы, подобно истории самой России, полна трагизма и крутых поворотов. Волею случая и обстоятельств творчество одних писателей входит в сокровищницу литературного наследия,

а творчество других, не менее талантливых, канет в лету. История расставляет свои приоритеты, и в настоящее время появляются научные работы, посвященные незаслуженно забытым авторам. К работам такого рода относится монография профессора А. Т. Липатова «Взбудораженная магия слова и чувства: текстообразующие и изобразительно-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучёва». Илья Сургучев, русский прозаик и драматург, в настоящее время мало известен в научных кругах. Трагедия революционных перемен в России сделала И. Сургучева эмигрантом: в 1920-е годы писатель покидает родину и переезжает в Париж, где продолжает публиковаться в эмигрантской прессе. Во время Второй мировой войны «Сургучев был сотрудником единственной в период оккупации Франции русскоязычной газеты «Парижский вестник». Пожалуй, именно такое поведение Сургучева, не принятое большинством русских эмигрантов, стало причиной очень резкого отзыва о нем» (с. 90). Но политические амбиции порой могут затмевать очевидные факты: «не прислуживал Сургучев гитлеровским оккупантам; все его творчество и человеческие деяния были направлены на создание оставшимся в Париже собратям по перу элементарной возможности выжить в условиях оккупационного режима; многих он буквально спас от голодной смерти» (с. 9).

Время расставляет все на свои места, и современные ученые уже по-новому смотрят на личность Ильи Сургучева и его творчество. Активные исследования творчества этого писателя ведут ставропольские литературоведы, и, пожалуй, одним из первых к проблемам творчества И. Сургучева обратился А. А. Фокин [2]. Однако следует отметить, что работ, посвященных развернутому анализу текстообразующих и изобразительно-выразительных средств прозы И. Сургучева, до настоящего момента не было, и представленная монография профессора А. Т. Липатова - это первая и на сегодняшний день единственная работа такого плана. При этом автор монографии выступает не как языковед, а как словесник-филолог, соединяя глубокий литературоведческий анализ с языковедческим анализом текста.

Проблемы индивидуального стиля писателя представляют огромный интерес для изучения теории текста, поскольку идиостиль соединяет в себе две ипостаси текста: форму (внешнее проявление текста) и содержание (внутреннюю составляющую текста). В этом соединении формы и содержания проявляется самобытность писателя, специфика его художественного метода, реализованного с помощью текстообразующих и изобразительно-выразительных средств. Необходимость исследования проблемы текстообразующих факторов и категорий продиктована ориентацией современной теории текста на поиск новых методов лингвистического описания, интерпретации текстов. Текстообразующие факторы, регулируя прямую и обратную связь между автором и читателем, отвечают за создание смыслового пространства, называемого речевым (или актуальным) смыслом, т.е. «это не только и не столько та информация, которая закодирована теми или иными языковыми средствами, но и вся та информация, которая может быть передана с его помощью и быть извлечена из него благодаря знанию коммуникантов о мире, друг о друге, о ситуации общения» [1, с. 200]. Представленная автором монографии система содержательных и формальных текстовых характеристик, присущих произведениям Ильи Сургучёва, раскрывает уникальный авторский способ языкового выражения.

Механизм текстообразования напрямую связан с актуализацией языковой картины мира автора, его мировоззрения, жизненного опыта и фоновых знаний. Это закономерно отражает антропоцентризм языка, который делает образ автора ведущей категорией текста. Анализируя творчество Ильи Сургучёва, А. Т. Липатов подчеркивает значимость обучения молодого тогда еще писателя в Ставропольской духовной семинарии. «Именно эта сфера духовности, - по мнению А. Т. Липатова, - стала определяющей для Сургучёва - человека и писателя: в нем самом и в его творчестве живет эта страстная идея надмирного» (с. 6). Сургучев был писателем особого склада, теологическое образование предопределяло его обращение к духовным проблемам, проблемам религии. Оставаясь глубоко преданным Православию, И. Сургучев столь же глубоко исследовал и восточные религии. Для писателя «все религии мира едины, как едино само человечество - ибо нет народа, который был бы выше и лучше других» (с. 163). Эти рассуждения привели художника слова к осознанию значимости поиска Истины, и вслед за Е. Блаватской он принимает девиз Теософского общества «Нет религии выше Истины» (с. 163). Разумеется, на творчество писателя оказали влияние и политические передраги, Октябрьская революция 1917 года, которую молодой автор не принял, и жизнь в эмиграции, и невзгоды Второй мировой войны - все это, так или иначе, отразилось в произведениях И. Сургучёва, подводя читателя к мысли, что «путь счастья человека лежит не через революционные потрясения, а через духовно-нравственное самосовершенствование каждой личности» (с. 15).

А. Т. Липатов раскрывает особенности идиостиля И. Сургучёва через призму богатства изобразительно-выразительных средств, в частности объектом внимания исследователя становится метафорическая перифраза Сургучёва. Интересно, что использование писателем-реалистом яркой и разнообразной метафористики автор монографии объясняет творческой манерой писателя, которая определяется слиянием «гоголевского романтизма и чеховского импрессионизма» (с. 18). Обращаясь к текстам сургучёвских произведений, А. Т. Липатов раскрывает понятия отдельных видов перифраз, начиная с логического, заканчивая именованным и глагольным перифразом. Следует отметить, что в лингвистике вопрос о семантико-стилистических границах метафоры и метафорического перифраза до настоящего времени оставался открытым. И заслуга автора монографии заключается в том, что он, продолжив мысль И. Р. Гальперина, В. Виккернагеля и Ф. Бринкмана [3-5], пошёл в своих рассуждениях дальше: от формального представления текста А. Т. Липатов переходит на уровень семантики текста. Сопоставляя метафору, которую автор монографии определяет как отдельную цельнооформленную лексическую единицу-экспрессему, и метафорический перифраз синтаксического типа, автор в качестве основного критерия выдвигает тот факт, что в метафорическом перифразе

«метафоричность принимает на себя не отдельное слово, а целиком взятый текст» (с. 20). Разрабатывая теоретические аспекты текстообразования, А. Т. Липатов наглядно показывает, как анализируемые категории функционируют в конкретном «живом» тексте. На примере произведений Ильи Сургучёва профессор Липатов представляет весь спектр возможных изобразительно-выразительных средств. С другой стороны, преследуя цель раскрыть особенность художественного стиля И. Сургучёва, автор монографии выделяет из всего представленного спектра наиболее яркие, характерные для индивидуального стиля писателя изобразительно-выразительные средства.

Еще одна важная проблема, связанная с теорией текста, находит своё отражение в представленной монографии. Эта проблема связана с отходом от «атомарного рассмотрения системных отношений в языке» и раскрытием особенностей текста, включенного в семантическую трихотомию «текст-дискурс-интертекст» (с. 30). Именно с точки зрения особенностей указанной трихотомии А. Т. Липатов анализирует «Эмигрантские рассказы» И. Сургучёва, начиная с характеристики метафорических эпитетов (*свежие, не окоченевшие воспоминания; мерзлая публика* и др.), которые в текстах сургучёвских рассказов органично вплетаются в состав перифраз, заканчивая анализом интервключений (*Вы помните «Синюю птицу»? Помните Страну воспоминаний?*). «Синяя птица», о которой вспоминает И. Сургучёв, - это пьеса бельгийского драматурга М. Метерлинка, но, возникшая в рассказе «Волшебные тетради», а затем и в рассказе «Четырнадцать стариков», эта интертекстема, по словам А. Т. Липатова, получает новое афористическое дополнение «птица счастья» (с. 42).

Интересна с точки зрения изучения поэтики интервключений 5-я глава монографии, в которой автор анализирует роман «Ротонда». А. Т. Липатов обращает внимание читателей на своеобразную манеру подачи представленных текстообразующих средств, а также на разноплановость интервключений, в которых «угадываются не только интертекстеми (прямые включения «чужого» текста) и развернутые аллюзии, парафразы, но и короткие, очень тонкие намёки - то ли на отдельно взятый факт, то ли на имя персонажа или наименование конкретно взятого произведения» (с. 100). «Ротонда» как символ неисчерпаемого мира искусства становится воплощением эрудиции и энциклопедичности автора.

Илья Сургучев не стал поклонником неореализма, он до конца был верен русскому реализму, плодотворно используя «достижения гоголевского романтического реализма и чеховского импрессионизма» (с. 176). Все это отразилось в неповторимом художественном сургучевском стиле.

Наша история по-прежнему оставляет нераскрытыми множество тайн, погребая в пучине времени много талантов, которые так и не получили признания. Благодаря монографии А. Т. Липатова, один из таких незаслуженно забытых художников слова получил второе рождение. Илья Сургучёв - это писатель, талант которого можно смело сопоставить с талантом наших классиков литературы, и профессор Липатов раскрыл то многообразие его изобразительных, речетворческих и текстообразующих особенностей, которое ставит Сургучёва в один ряд с маститыми мастерами слова.

Список литературы

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
2. Фокин А. А. Илья Дмитриевич Сургучев: проблемы творчества. Ставрополь, 2006.
3. Brinkmann J. Die Metaphern. Bonn, 1978.
4. Galperin I. Stylistics. Moscow, 1971.
5. Wackernagel W. Poetik, Rhetorik und Stylistik. Halle/Saale, 1973.

IL'YA SURGUCHEV'S "WORD MAGIC": CRITICAL ANALYSIS OF A. T. LIPATOV'S MONOGRAPH "AGITATING MAGIC OF WORD AND FEELING: TEXT-FORMING AND FIGURATIVE-EXPRESSIVE MEANS OF IL'YA SURGUCHEV'S FICTION PROSE" (STAVROPOL': "GRAPHA", 2011)

Svetlana Vladimirovna Guseva, Ph. D. in Philology
Department of Social Sciences and Technologies
Mari State Technical University
gusevas@list.ru

The article contains the review of the new monograph of Doctor in Philology, Professor, the author of more than 400 scientific works Aleksandr Tikhonovich Lipatov "Agitating Magic of Word and Feeling: Text-Forming and Figurative-Expressive Means of Il'ya Surguchev's Fiction Prose". This new monograph is devoted to the extensive analysis of the text-forming and figurative-expressive means of Il'ya Surguchev's prose, which was out of researchers' sight till the present moment. The analyzed research of professor A. T. Lipatov is the first and the only as of today work of the kind.

Key words and phrases: Il'ya Surguchev's individual style; text-forming factor; figurative-expressive means; periphrasis; intertexteme.